

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Алекс Кун

Броненосцы
Петра Великого.
Архангельск

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К91

Кун А.
К91 Броненосцы Петра Великого. Архангельск: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 472 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1106-1

Поход на катамаране по Белому морю закончился для Александра перемещением в эпоху Петра Великого. В числе первых, с кем довелось столкнуться путешественнику во времени, оказался лично молодой царь. Под Архангельском Петр готовился строить российский флот. Волей судьбы возглавил это строительство Александр, искушенный в морском деле своего времени. Труды на верфи потянули за собой новое производство и новые технологии. Едва дело зашпорило, тут же появились зарубежные шпионы, следом за ними приплыли иноземные пираты — уничтожать опасных русских конкурентов. И завертелась катавасия!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Алекс Кун, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1106-1

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Публикуемый архивный документ [1] является, с нашей точки зрения, одним из самых интересных и ярких источников по истории внутренней политики и экономики эпохи царствования Петра I. Документ [1] в совершенно новом свете преподносит исторические успехи России на переломе XVII и XVIII веков. Миф о ведущей роли иноземных ученых в беспрецедентном «русском чуде» если и не развеивается им окончательно, то заставляет пересматривать многие события, считавшиеся ранее непреложными. Единственным препятствием на пути кардинального пересмотра событий периода «русского чуда» может стать сомнительность находки документа [1]. Напомню, что документ [1] был найден при переносе бюста основателя Ижорского Императорского завода бригадой строителей. Общее, крайне скверное, состояние капсулы, хранящей документ [1], не навело рабочих на мысль о ценности содержимого, и капсула была выкинута в мусор. При транспортировке мусора на Санкт-Петербургский губернский утилизационный комбинат капсула получила еще большие повреждения. Только по счастливой случайности автоматика сортировки входящего потока мусора на комбинате направила капсулу на конвейер ручной сортировки как неопознанный элемент. Так как на конвейер ручной сортировки предметы попадают достаточно редко, капсула заинтересовала дежурную смену, благодаря чему документ [1] все же попал в руки ученых, правда, в еще более поврежденном виде из-за любопытства дежурной смены и их способа извлечения исторических реликвий.

После счастливого завершения сей практически детективной истории началось кропотливое восстановление и изучение документа [1]. Процесс этот еще не завершён до сих пор, а многие места пока считаются невозможными при современ-

ном уровне техники. Однако, признавая значительную историческую ценность документа [1], попытки его полного восстановления будут продолжены. Кроме того, некоторые оговорки в изученном тексте документа [1] позволяют начать работы по поиску недостающих частей и приложений. В продолжении работ по расшифровке и поиску высказал заинтересованность Его Величество, всемилостивейше выделив на эти труды персональный гранд и еще раз подтвердив огромную историческую ценность новой информации по «русскому чуду».

Стоит заметить, что инсинуации наших зарубежных оппонентов, появившиеся в инфосети сразу после публикаций разобранных фрагментов документа [1], связаны не столько с оценками исторических реалий тех лет, сколько с финансами и престижем. Ведь документ [1] ставит под сомнение огромное количество патентов, оформленных в то время на имена зарубежных ученых и инженеров, и убедительно доказывает плагиат. А ведь многие патенты действуют до сих пор, принося значительные если не дивиденды, то известность Фамилиям. Однако этот вопрос оставим иным компетентным структурам. Нас интересует сам документ [1] и историческая достоверность его содержимого.

Проведенная экспертиза не выявила нестыковок в описываемых документом [1] событиях того времени. Общие события и исторические личности коррелируются с архивами тех лет и перекрестными упоминаниями в сохранившейся в архиве переписке людей, ссылки на коих имеются в документе [1]. Проведенная нами реконструкция некоторых утерянных фрагментов основана на ссылках из иных архивных документов той эпохи. Реконструкция хотя и является исторически верной, но может быть несколько не полной, теряющей детали, но правдиво освещающей события.

Общая фантастичность самого документа [1] и стиль его написания, кардинально отличающийся от стиля путевых дневников тех лет, не может опровергнуть описываемые события, подтверждаемые иными архивами, но заставляет задуматься о личности автора, ранее считавшегося исторически незначительным.

*Е. Б. ИВАНОВ, доктор исторических наук,
профессор РИУ им. Канта*

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

В основе этой книги лежит инфосетевой текст, подготовленный профессором Ивановым. С первоначальным текстом вы можете ознакомиться по ссылкам на сайте профессора. В связи с несколько специфическим слогом первоисточника коллективом сотрудников нашего издательства была проведена работа по приведению текста к современному языку и системе мер и весов. А также по литературному приглаживанию первоисточника, который местами носит признаки сухой констатации фактов. Опираясь на реставрации профессора Иванова и общий стиль сохранившихся фрагментов первоисточника, были выстроены действия и диалоги, наиболее полно, по нашему мнению, отражающие дух первоисточника, хотя, возможно, и отступающие от его буквы. Также были перегруппированы некоторые разрозненные фрагменты для более полного отражения сути повествования и вставлены интерлюдии, не описанные в первоисточнике, но проясняющие происходящие события. Комментарии к некоторым спорным словам, встречающимся в тексте, носят личный взгляд коллектива сотрудников издательства и не претендуют на научную точность.

Настоящая книга не призвана повторить на пленке всем известный документ из инфосети. Мы старались восстановить не факты истории, а преподнести читателю новый взгляд на события исторического перелома, облаченный в форму художественного произведения.

Мы надеемся, что читатели вместе с нами поймут важность издания этой книги, так как профессор Иванов выполнил благородное дело очищения одного из наиболее заплеванных и важных моментов русской имперской истории конца XVII и начала XVIII века и создал захватывающий труд, который читается с нарастающим интересом.

Из дневника

Сегодня мне повелели вести дневник. Никогда в жизни его не вел, а тут повелели... Буду считать свой первый блин начавшимся. Что обычно пишут в дневниках? О чем помнят, о том и пишут, главное подробно и последовательно. Гуманитарии напишут красиво и связно — что прикажете писать мне, технарю до глубины души? Попытаюсь написать что-то, отличное от справочника, но результат не гарантирую.

Надеюсь, повеление писать с самого начала не подразумевало мои младенческие годы, хотя... тут под какое настроение попадешь, может ведь и опять в опалу отправить (тщательно зачеркнуто. — *Прим. ред.*). На всякий случай, родился в Ленинграде (город не опознан, но по дальнейшим ссылкам можно предположить, что речь идет о Петербурге. — *Прим. ред.*), рос, учился, на любимых уроках химии разрабатывал способы, как взорвать любой имеющийся ингредиент, желательно под ножкой стула учителя или, на худой конец, в замке двери класса перед контрольной. Потом еще учился, даже полетать в Лисьем Носу умудрился, потом в Черниговское летное училище поступил, далее был выкинут с третьего курса, как и все курсанты, так как стране пилоты оказались больше не нужны, ну а потом работал. Хорошей работы с неоконченным военным образованием, да еще в то время, найти было нельзя по определению, так что работа была для еды, для души стало увлечение парусами.

Пожалуй, начну отсюда углубляться. Парус — это не средство передвижения, на моторе и быстрее, и дешевле, это состояние души. Попробовав пройтись самостоятельно под парусом один раз, заболеваешь им надолго, если не навсегда. Он дает и эйфорию от тихо журчащей, рассекаемой форштевнем воды с медленно проплывающими мимо берегами. Обеспечивает адреналиновый взрыв, когда в снастях воеет ветер и стены воды

вырастают со всех сторон. Он может выразить всю гамму эмоций от наслаждения до ужаса, причем сразу, а то и в одно мгновение. На это подсаживаешься, как наркоман на иглу.

Мечтая об отпуске, представляешь, куда пойдешь на этот раз. Ладожское озеро и Онега были пройдены многократно, на обрывистых берегах пролива Кочерги втихушку оставлен автограф для будущих археологов. Самым внимательным образом изучены петроглифы Кольского полуострова и вынесено одобрение древнему охотнику, уже не одно столетие догоняющему кита на камне острова Канозера. Правда, за кем именно охотник гонится и что именно держит наперевес — вызвало массовую дискуссию, так как из видимых черточек понять можно было разное. Но адмирал (руководитель эскадры, в данном контексте предположительно руководитель лодочного похода. — *Прим. ред.*) сказал «охотник за китом», пусть будет так.

Вот, довспоминался! Опять хочу на Белое море. Чтоб парус хлопал и соленые брызги в лицо. И плевать на сухопутную мошку, которая на берегу способна сожрать бутерброд, пока его до рта доносишь. Плевать на вечный дождь и туман, в котором можно запросто потерять только что снятый мокрый носок. Зато выглянувшее рано или поздно солнце окрасит вершины Хибин в первородные багряные цвета и повесит над горизонтом несколько радуг одна в другой. Сразу хочется идти дальше, увидеть, что же там, в основании радуги.

Вот и шел за радугой и запахом тайги. Знакомые мечтают о солнечных пляжах и дачах — бог им судья. Хорошо, что мы все разные, иначе на Белом море было бы не протолкнуться от парусников — а так в самый раз.

Словом, Белое море, жди меня в июне! Рано, конечно, но хорошо, что вообще летом отпуск дали. Пока суд да дело, было время позаниматься матчастью. Кстати, совсем забыл за этой ностальгией представить верного спутника в радостях и печалях походов тех лет — надувной разборный парусный катамаран Катран. Полностью индивидуальная сборка по собственному проекту, каждую деталь которого делал собственноручно, помогая себе напильником и русским словом.

Когда Катран первый раз набрал ход, преодолев с моей помощью детские болезни любого нового проекта, я был кристально счастлив. Потом мы несколько лет привыкали друг к другу, мерились характерами. Я пытался командовать, а он тихонько делал мне пакости, позже, наоборот, командовать уже

пытался он, я привередничал, себе во вред в основном. Но мы притерлись друг к другу, и тогда я отпуск уже не мыслил без Катрана. Вот, собственно, и вся предыстория.

Саму историю поведу, пожалуй, с июня месяца и архангельского берега Белого моря, куда наконец-то доехал в свой долгожданный отпуск. Многие подробности мне уже и не вспомнить за давностью лет. Хотя начал вот записывать, и из памяти так и полезли сценки той жизни. Попробую собрать из них единое повествование, времени у меня теперь много.

Первая походная ночевка, отвык за год от пенки и спальника — не заснуть. Тент палатки похлопывает от усиливающегося ветра. На пляже, уткнувшись острыми форштевнями в крупную гальку, дремлет Катран, сонно переваливая под ветром плохо закрепленный гик с борта на борт. Мне из палатки хорошо слышно, как звякают натягивающиеся снасти, и это тоже мешает уснуть. Решив бросить себя насиловать, выбираюсь наружу, подбираю забытый снаружи пендель, успевший набрать на себя росы, усаживаюсь на него. Белые ночи Белого моря вступают в свои права, читать еще нельзя, собрать лагерь можно вполне. Но лень. Закуриваю. Смотрю, как море начинает наползать на берег, поморы называют это — море вздохнуло. Очень похоже. Огромное живое существо то искристо ласковое, а то и зло ревушее, чаще просто свинцово нахмуренное — вздыхающее два раза в сутки. По выписке, заготовленной мной на этот месяц заблаговременно, пик прилива будет к раннему утру. Пожалуй, не буду ждать второго вздоха, прилягу на отливную грудь первому. Катамаран собран, вещи переупакованы в гермы, собрать лагерь смогу за два часа с ленцой и пивом. Бессонница, усугубленная белыми ночами, — нет смысла откладывать старт. Ветер вот только свежеет, но пока ничего страшного. Достая вторую сигарету. Собирать лагерь по-прежнему лень, время не поджимает. Ладно, буду последовательным — кусты, котелок, катамаран.

Примус шумит как маленький реактивный двигатель. На этот раз выяснилось, что забыл дома ветрозащиту, ну да это мелочи. Помнится, москвичи, собрав катамараны в Кандалакше, выяснили, что забыли паруса на Иваньковском водохранилище (водоем не опознан. — *Прим. ред.*) в подмосковном парус-

ном лагере «Крапива» — вот это был экстрим. Ветрозащита — мелочь, пенкой обойдусь.

Первый утренний кофе особо хорош. Возвращает к жизни. Но собирать лагерь лень по-прежнему. Наверное, пошел откат от вчерашней лихорадочной постановки лагеря и сборки катамарана. Буду считать это периодом адаптации, а не плохими предчувствиями. Но на всякий случай пойду под первой полкой рифов на гроте. Раз уж выхожу пораньше, то имею право спокойно «потравмовать» первый ходовой день маршрута.

Увязывать вещи на катамаран дело муторное — мыслями ты уже в море, но суровая действительность цепляет тебя за штаны и тащит назад к обыденности. Кстати, надо будет герму с кухней переложить в корму, как самую тяжелую: волна расходится, а всплытие носами на волну у катамаранов большое место — не любят они по волнам скакать, их стихия резать воду и выживать ветер.

Все, буду считать, что вещи увязаны и катамаран к походу готов. Строгого маршрута как обычно нет — есть хотелки. Пойду от Архангельска на Кандалакшу через Соловецкие острова, куда же без них. Будет все плохо — сойду с маршрута в Кеми, а будет хорошо, пойду после Кандалакши в сторону Умбы. Поход не на один день, понятно, но за имеющиеся две недели мне таким маршрутом до горла Белого моря не дойти, так что можно просто расслабиться и получать удовольствие.

Прилив на пике, катамаран качает скромная прибойная волна, самое время поднимать паруса. Разворачиваю стаксель с закрутки, он хлопает, наполняясь ветром, и приветственно машет шкотовым углом. Привычно обтягиваю стаксель, вглядываясь в дно, ожидаю момента, когда глубина станет достаточна для опускания руля и шверта. Глубина нарастает стремительно: десяток секунд, и плавники моего Катрана выдвинуты полностью — катамаран становится управляемым и послушным, только несколько тяжеловато висит на руле (яхтенный термин, обозначающий разбалансировку паруса и киля, связанную с неполным или нештатным несением парусов. — *Прим. ред.*) — это не беда, сейчас присмотрюсь к ветру и буду ставить грот.

Ветер ровный северо-восток, с той стороны на горизонте легкая хмарь, берег плавно уходит за спину, волна с правой скулы немного неприятная, но предпосылок для аврала пока не видно. Доворачиваю носы на ветер и, уравновесив новый курс,

закрепляю румпель петлей — сам бросаюсь к мачте поднимать грот.

Если кто спрашивает, почему не делать это на земле, в спокойной обстановке перед отправлением, могу только пожалть плечами — на Онеге так и делаю, на Ладоге, бывает, тоже выхожу под полным комплектом. Вот Белое море наглых не любит и учит очень жестко — особенно крейсерские катамараны, которые, в отличие от яхты, будучи перевернутыми, обратно встать сами не могут. Однако и трусов с перестраховщиками Белое море терпит с трудом. Поэтому, выйдя в море, почувствуй его настроение. Получишь благословение от него — не мешкай, раскрывай свои крылья.

Как это почувствовать, не расскажет никто. Просто ты это можешь или нет. Некоторые могут достать языком кончик носа, мне такого не дано, зато чувствую море как большой и единый организм, чувствую его настроение и нескромно пользуюсь этим.

Грот ползет по ликпазу на мачту, фал позвякивает об алюминий при каждом рывке. Вот наверх уползает третий, самый верхний, ряд рифов, подъем продолжаем. Из длинной транспортной сумки, пристегнутой к палубе под гиком, выползает бесконечная змея сложенного змейкой грота, приходится придерживать его коленями, иначе свежий ветер мгновенно вытрясет грот наружу и заставит его хлопать как простыня на веревке. Нелегкое это дело, поднимать грот на ходу в одиночку при ветре и волне. Второй ряд рифов уполз наверх, и вот, наконец, первый ряд появился из сумки. Тебя-то мне, голубчик, и надо. Поднимать парус полностью, чувствую, будет наглостью, а брать второй ряд рифов — уже перестраховкой. Закрепляем грота-фал, закрепляем первый риф-шкот, обтягиваем первый риф-галс — болтающийся снизу неподнятый остаток грота скручиваем и подвязываем к гику. Катамаран несколько увалился под ветер, но грот еще не лег на ванты. Свободно хлопая, он пробует ветер на вкус, радуясь выходу из многомесячного заточения в транспортной сумке.

В одной руке грота-шкот, во второй — румпель, мне бы еще третью руку под стаксель-шкот, ну и заодно четвертую под брасы спинакера. Но пока мутация яхтенных моряков до этого не дошла, приходится зажимать стаксель-шкот коленями — управлять неудобно, но сбросить фал со стопоров в случае чего можно. Поза со стороны кажется не очень комфортной, это

действительно так, но, когда катамаран ложится на курс и начинает резать волну, об этом как-то забывается. Вот и у меня начинается ходовая эйфория. Бакштаг правого галса, впереди чистое море, паруса, полные ветра...

Как давно я сегодняшний не испытывал это ощущение. Мне уже не вспомнить, что было тогда с собой из вещей, а вот ощущение катамарана пришло сразу. Вспоминается глубокая зарубка на мачте, чуть выше фаловых стопоров, от соскочившего зубила. Белый узор каната грота-шкота, с вплетенной в него красной нитью, проскальзывающий по ладони. Бурун у пера руля и пенный след на волнах...

* * *

Первый ходовой день, седьмой час вахты. Усталость уже берет свое. Погода продолжает портиться. С гребней волн летит пена и стелется длинными шлейфами. Зверь по имени море нахмурился и засвистел в снастях. Стаксель давно свернут, на гроте взята вторая полка рифов. Где-то на левом траверзе, судя по GPS (неизвестная аббревиатура, предположительно относящаяся к навигации. — *Прим. ред.*), примерно в тридцати километрах залив Унской губы. Похоже, пора туда прятаться. Доворачиваю на запад и начинаю ломиться сквозь волновую толчею почти на полном фордаке.

Как обычно для Белого моря, погода портится быстрее, чем ты от нее убегаешь. Рискую закрепить руль и броситься к мачте убирать грот. Сбрасываю фалы со стопоров и нещадно пихаю грот в сумку, благо большая часть уже свернута рулоном при предыдущих рифлениях. Грот бьется в руках как крупная рыба. Катамаран, оставшись без тяги, начинает разворачивать лагом к волне. Крайне паршиво. Ложусь на сопротивляющийся грот пузом, прижимая его к палубе, тянусь к стаксель-шкоту. Чуток выпускаю шкотовый угол стакселя из закрутки, искренне надеюсь, что ветер распушить закрученный стаксель просто не успеет, но маленький платочек торчащего стакселя сыграет роль флюгера.

Главное, не встать к волне боком. Волна разошлась уже злая, с гребнями. Стаксель стабилизировал Катрана вполоборота к волне, но фал закрутки ползет в стопорах, намекая, что это ненадолго. Лихорадочно уминаю грот в сумку — ткань жал-

ко, совсем еще свежий рип-стоп, но эти мысли на втором плане. Из бокового кармана сумки достаю фаловый угол триселя, дальше по отработанной схеме вздергиваю трисель на мачту пониже и начинаю разгонять катамаран, пока он не приходит в чувство, становясь управляемым. Проблема всех кораблей, что руля они слушаются только на скорости — стоит замедлиться, и рули станут бесполезны.

Последний финт — закручиваю, как можно плотнее, стаксель, в очередной раз кляня себя за лень и отсутствие штормового чехла для штага. Теперь снова можно побороться. Ход есть, значит, и управляемость есть. Мой брезентовый трисель порвать будет не просто даже разыгрывающейся непогоде.

На мне уже давно спасательная шлейка, пристегнутая к спас-концу. Поборемся, зверь по имени море?! Чувствую, ты не на нас злишься, просто мы с Катраном попали под чужую раздачу, нам от этого, конечно, не легче, но пакости лично мне ты делать не будешь — не вырастут неожиданно прямо по курсу скальные клыки, не догонит со спины аномальная волна-убийца. Ты изначально считаешь тех, кто ступил на твое тело, способными справиться с твоим крутым нравом и никаких поблажек никому не даешь — ни возраст, ни чин для тебя ничего не значат. Критерий только один: справился — можешь ходить дальше, не справился — больше не подходи, в случае если первый раз уйти удалось. Мы с катамараном пока справлялись.

Погода продолжала стремительно ухудшаться. Если раньше казалось, что мокро, то когда ударили заряды ледяного дождя, все предыдущее оказалось цветочками. Дождь теоретически лил с неба, но непрерывные струи воды, летящие практически параллельно поверхности моря, прорубающие в волнах целые просеки, — зрелище фантазмагорическое. Для полного сюр не хватает молний, ветвящихся по всему небу.

Накаркал. Молнии, оказывается, тоже есть — просто их не видно за этой водяной вакханалией и не слышно, когда они далеко. Зато очень даже слышно, когда бьют рядом. Складывалось такое впечатление, что молнии ко мне начали пристреливаться.

Вечная дилемма шторма — можно сбросить мачту, опасаясь молний, но катамаран потеряет ход и станет неуправляем надолго — рангоут на крейсерском катамаране только на берегу возможно обратно поставить. Второй вариант — оставить как есть и сосредоточиться на убегании от шторма в Унскую губу.

Но вполне реально получить молнией в «громоотвод» топа. Все эти рассуждения о заземлении мачт на лодках как были, так и остаются от лукавого — когда в тебя попадает заряд в несколько гигаВольт с током в канале десятки тысяч ампер, а вокруг тебя соленая вода — впору задумываться о метафизическом.

О чем, собственно, и задумывался, убрав на всякий случай части своей тушки максимально далеко от железных элементов конструкции. Молнии лупили практически непрерывно, эту бы энергию да в мирных целях. Оценив по самой скромной шкале выплеск энергии — все энергостанции мира вместе взятые стояли бы, нервно курая, в сторонке.

Статикой наполнился весь воздух вокруг, огни святого Эльма должны были бы плясать по всей лодке, но шквальный ливень их расхолаживал. Хотя коронные разряды на топе мачты уже было видно даже за сплошной стеной дождя. Неприятно, но не опасно, если не вспоминать, что разряды ионизируют воздух над мачтой, привлекая к ней внимание Громовержца, тут уж как «не повезет». Оставалось продолжать бороться, успокаивая себя скромной фактической статистикой прямого попадания молнией в лодку.

И тут пополнил собой статистику. Свет и рев по ушам. Похоже, молния все же прошла стороной, зацепив меня краем канала. Руки трясет, зубы стучат — начинаю представлять, как чувствуют себя на электрическом стуле.

Черт с ним, с неуправляемым дрейфом — тянусь выдернуть стопор наветренной ванты, это гарантированно завалит мачту вперед с минимальными потерями. Но дотянуться не успеваю. Еще один рев и вспышка магния по глазам — по пробитому ионизированному каналу от первой молнии пришла ее подружка — катамаран, похоже, глубже зашел в область поражения.

Зрения не стало, точнее, оно стало огненно-черным на огненно-белом фоне, как будто смотришь на солнце. Угольным силуэтом прорисовывался весь катамаран, было видно даже тонкий трос пережженного штага, начавший свое падение на палубу и увлекающий за собой закрученный стаксель.

Мысли казались вялыми, время остановившимся. Успел поругать себя за проскочившую мысль, что бог любит троицу — когда пришла третья молния. Даже видел, как она накатывается — яркий шар и отходящие от него концентрические кольца. Успел подумать: «В яблочко!» — и мир выключили.

Но, как ни странно, не выключили ощущения. Подо мною так же швыряло палубу катамарана, в спину рубили плети дождя, пробивая штормовку практически навывлет. Только теперь без звука и изображения. Румпель под рукой ощутимо дрожит, лишний раз подтверждая свою реальность. Похоже, мне предлагают задержаться на этом свете. Курс прежний, и зверя по имени море не интересуется, может ли капитан управлять.

Ориентируюсь по курсу на угол удара дождевых струй в спину. В моей внутренней вселенной тишина и темнота, только хороводом бродят мысли — когда сменю курс на значительный угол, мачта, держащаяся только на двух вантах и напоре ветра, неминуемо упадет. Если мне, конечно, не привиделось, что молния пережгла штаг — проверять некогда. Время для принятия решения о курсе еще есть, не ощущаю рядом берега. Теперь только и остается, что верить своим ощущениям. Искренне надеюсь на возврат слуха и зрения.

Слух, похоже, медленно выходит из нокаута, уши болят немилосердно, наверняка и кровь идет, но главное — начинаю различать звуки, значит, и прибой должен услышать. Зрение прикидывалось хладным трупом. Ленивое оно у меня, работать не хочет. Тянусь за капитанским термосом — чая там уже почти нет, допиваю остатки одним глотком, высыпаю на ладонь заварку, термос подсовываю под ногу. Хоть и попал в аврал, лишаться имущества жалко: все, что не привязано к палубе во время шторма, можно считать потерянным.

Выдергиваю из-под непромоканца малую упаковку бинта, сбросив капюшон штормовки, обматываю разок голову по глазам. Теперь разложить заварку на глаза и докрутить поверх остатками бинта. Вроде минутное дело, но пока был с голой головой, успел не только промокнуть до трусов включительно, но и замерзнуть до костного мозга. Зато наверняка смыл кровь с ушей и лица, если она там была.

Упаковываюсь обратно, теперь надо сосредоточиться. Предположим, что ветер поменял направление незначительно — тогда мы на курсе сближения с Унской губой. Пройти Чертовы Рога и россыпи камней на входе в бухту, ориентируясь только на слух, практически нереально. Остаются два варианта: либо, услышав прибой, снимать повязку и надеяться на восстановление хоть какого-то зрения, либо выбрасываться на берег по слуху, скорее всего с разрушением катамарана.

С другой стороны, в штормовом шуме да еще с ослабленным слухом могу услышать прибой слишком поздно. Приятного мало. GPSка мне ничем не поможет, говорить она не умеет, а табло не вижу. Карты по той же причине проходят мимо под ручку с компасом. Нет на борту навигации, понятной на ощупь.

Остается только развитое воображение да полная кубышка памяти. Мысленно черчу курсы и предполагаемые сносы, вношу поправки на течение и волну. Прилив уже начался, он должен помочь и затянет меня в бухту, если сильно не ошибусь с поправками курса.

Перепроверяю свою мысленную схему и доворачиваю на семь градусов к северу. Не доверяя голым ощущениям, щелкаю ногтем по абрису компаса — у него по внешнему кольцу нанесены рисками градусы для взятия пеленгов. Подставляю ладонь струям дождя, отщелкиваю семь градусов и поворачиваю катамаран до возвращения прежнего ощущения струй на ладони. Шаманство какое-то. Если ветер зайдет, меня точно выбросит на камни.

Продолжаю очень внимательно слушать свое ощущение моря и прислушиваться к шумам. Странно только, что не пропищал сотовый об окончании очередного часа вахты: либо пищал в период глухоты, либо вся электроника накрылась медным тазом, точнее, высоковольтным разрядом. Через час будет ясно окончательно — примерно к этому сроку намечен подход к берегу. Время тянулось медленно. Шторм не стихал, но и не усиливался — он стал просто фоном к тяжелым мыслям и опасениям остаться без зрения. Я не фаталист по натуре, но на душе скребли кошки. Сомнения в курсе и принятом решении обойтись без неуправляемого дрейфа грызли душу.

Намеченный час все никак не мог закончиться, возможно, действительно электроника слохла. По носу послышался звук прибоя. Скинув капюшон, лихорадочно прислушивался то одним ухом, то другим. Звук очень похож, и именно по носу. Слева не прослушивается, значит, вполне может быть северный берег Унской губы. Плавно доворачиваю градусов на тридцать к западу, тут уже не так важна точность, все решится в ближайшие минуты.

Начинаю лихорадочно сматывать повязку. Промаргиваюсь — и ничего не вижу. Подставляю лицо хлещущим ледяным струям, промаргиваюсь еще раз. Ощущение песка в глазах так и

осталось, но появился мираж изображения. Боясь спугнуть чудо прозрения, вглядываюсь по сторонам. Картинка практически никакая, да и свету маловато, как мне кажется. Но болтающуюся под ударами ветра и дождя мачту вижу довольно уверенно. Штаг действительно оборван, значит, вся эта катавасия мне не почудилась.

Теперь основная задача — пытаться отклоняться южнее, если правильно помню карту губы. При этом очень желательно не уронить мачту. Подводные камни, смертельно опасные для яхты в такую погоду, для катамарана с его малой осадкой и убирающимися плавниками практически безвредны. Но торчащие из воды клыки для него более опасны, чем для яхты. Начинаю лавировать, отклоняясь от малейших проблесков пены впереди — лучше ошибиться, обойдя просто волны, чем пропустить клык. Пару раз под палубой характерно стукнул шверт, автоматически складываясь при наезде на препятствие и выпускаясь после него, значит, цепляю камни бухты — беру чуть западнее.

Ветер стихает. Похоже, меня начала прикрывать южная оконечность губы. Можно ненадолго бросить руль. Бегу к мачте и, подергав свисающие фалы, убеждаюсь в их относительной целостности. Из бегучего такелажа перебило только топенант, ну и бог с ним, спинакер-фала в топовом блочке мне вполне достаточно — оттягиваю им мачту и креплю фал вместо штага. Привязываю как попало — времени нет, катамаран опять начинает рыскать.

Ветер, встретившись с сушей, начал выписывать коленца, да плюс еще нагонная волна, отражаясь от берегов бухты, создает толчею. Но все равно стало легче и спокойнее. Теперь осталось медленно и верно идти вдоль берега, чтобы разглядеть более-менее приличный пляж и сразу на него выбрасываться.

Сегодня нам с Катраном досталось сильнее, чем обычно. Но мы, похоже, и тут выкарабкались. Ветерок опять усиливается, значит, слишком далеко от берега отошел, подправляю курс и снова вглядываюсь в темно-серую пелену вокруг.

Остро к ветру на одном триселе ни один парусник идти не может — вот и подкрадываюсь к полосе прибоя по длинной пологой прямой, почти в галфвинд левого галса. Как только ветер существенно ослаб, прикрытый берегом, начинаю подумывать о постановке грота на третью полку рифов. Был бы матрос — наверняка бы рискнул и поставил. Но одному, в штормовую погоду, слишком уж чревато менять парусный гардероб.

Нет, пожалуй, на сегодня мой лимит везения выбран, да еще и с задолженностью. Ползу вдоль берега на триселе, шаг вперед — полшага назад. Волны стали круче — подхожу к мелководью, относительно, конечно, меня тут скроет не то что с головой, но и с верхушкой мачты.

Прибой слышу отчетливо — звук не резкий, а мягкий, раскатистый. Очень хорошо, значит, впереди не вертикальные стены, о которые волна разбивается разом, а довольно широкий пляж — неважно, галечный или песчаный, — на который волна идет постепенно. Зрение до сих пор никуда не годится, только и способно различать белую пену в серой окружающей хмари. Прибой приближается, пора готовиться к выброске. Пройти прибойную волну на одном маленьком платке триселя против ветра и без скорости — это из области фантастики. Будем применять старый способ барона Мюнхаузена, вытащившего себя за волосы, — главное, к берегу поближе прижаться, желательно на бросок кошки.

Волнение перерастает в откатно-накатное. Все, с этого места вперед уже хода не будет, пора начинать разбрасывать домашних любимцев. Оставляю руль — он уже не помощник, бегу на нос. Упаковки с кошкой на месте нет. То, что еще не окоченело от погоды, замерзает напрочь при виде наступающего северного животного — у меня еще есть становой якорь, но так далеко мне его не кинуть.

Бросаюсь на живот, заглядываю под мост. Слава моему ангелу-хранителю и вовремя бившим меня учителям, которые говорили: «Пристегнул упаковку к катамарану — теперь привяжи ее отдельной веревочкой, пусть на ней за бортом болтается, если вдруг что случится...»

Вытягиваю из воды упаковку с кошкой, выдергиваю разлапистую железку, буквально разрывая затяжную стропу, со всей дури швыряю якорь вперед и вверх — туда, где должен быть берег.

За улетевшей в хмарь кошкой змеится тонкий причальный конец, срываясь с уложенной кольцами в упаковке веревки. Плохо, расправить веревку не было времени, бросок получится не такой далекий, как хотелось бы.

Веревка замерла, осталось ее плавно тянуть, надеясь, что лапы зацепятся. Катамаран нехотя разворачивает носы к берегу, пляска на волнах усиливается. Мне, как опытному рыбаку, надо выходить очень крупного земноводного, в несколько со-

тен килограммов весом вместе со мной и вещами. Добыча взбрыкивает на каждой волне и вполне может сорваться — неизвестно, за что там кошка лапками зацепилась.

То отпуская веревку, то подтягивая, продвигаюсь к берегу буквально по сантиметру. Вхожу в прибойную зону. Теперь отчетливо вижу пену прибоя, берег действительно пологий. Волны становятся крутыми, с обрушающимися гребнями. Медлить нельзя. Налегаю на веревку, разгоняя катамаран и... кошку срывает. Да, удачу в долг мне явно больше не дают. Лихорадочно выбираю веревку, надеясь, что либо кошка за что-то зацепится, либо успею ее вытащить и еще раз забросить. Дно, похоже, песчаное — шансы стремительно утекают.

В прибойной волне все происходит очень быстро. За кормой вырастает очередной седой водяной исполин, подхватывает катамаран и выворачивает боком к волне — сопротивляться этому уже просто нечем, парус бесполезен, веревка не натянута. Перед опрокидыванием только и успеваю ухватиться за мост. Заваливает нас с Катраном очень жестко — резкий хлыстовой удар и обрушивающаяся вершина волны сверху. И еще один резкий удар, сбрасывающий меня с катамарана — мачта в дно уперлась. Холодная вода кругом, пена и чернота. Выныриваю. Время пошло на минуты. Несколько таких волн, и нас с катамараном размолотит в труху.

Дальше жизнь рванула на чистом адреналине. Подтягиваюсь по спас-концу к бьющемуся в агонии катамарану, перебирая руками, сдвигаюсь к носу, зажав под мышкой стрингер, выбираю так и не выпущенную из рук веревку. Держу кошку и в эту же руку укладываю кольцами плавающую вокруг меня веревку. Каждая проходящая волна накрывает с головой, озноб по всему телу. Сил вытащить себя в пропитанной водой одежде на баллон катамарана может просто не хватить. Экономлю энергию для одного-единственного рывка. Смотав большую часть веревки, кричу в небо:

— Помоги еще разик!!!

Дождавшись обрушения очередного гребня волны, притапливаю себя, преодолевая плавучесть спасика, потом, каждой клеточкой организма рванувшись вверх, выскакиваю на полкорпуса из воды. В верхней точке с нечленораздельным рыком, вложив все оставшиеся силы, вышвыриваю кошку вверх и в сторону берега. Кошка улетает вместе с кольцами веревки, а меня накрывает очередной гребень. Все, последний шанс. Тянуть ка-

тамаран с упершейся в дно мачтой, да еще с помощью кошки, зацепленной, судя по всему, за песчаный грунт, — дело абсолютное бесперспективное. Третьей попытки у меня точно нет.

Отцепляю от карабина шлейки спас-конец, связывающий меня с катамараном, и вщелкиваю в карабин веревку причального конца. Пару раз дернув, убеждаюсь, что конец надежно привязан к носовой балке катамарана. Хлопаю катамаран по баллону:

— Жди меня, Катранище, мы еще повоюем.

Выбираю слаbinу веревки — кошка держит. Отталкиваюсь от катамарана и, перебирая веревку, плыву к берегу. Буквально через полтора десятка метров веревка начинает уходить под воду, недалеко же мне удалось зашвырнуть кошку. Тянусь руками глубже, продолжая протягивать причальный конец сквозь карабины. Вокруг если не ад, то точно его преддверие. Волны бьют, накатываясь сзади: бьют в лицо, откатываясь от берега, бьют с боков, вообще непонятно откуда взявшись. Их высота кажется многометровой, хотя это наверняка обман зрения, да и с глазами не все хорошо. Дальше тянуть веревку уже нельзя, слишком большой стал угол ее отхода от дна, еще чуть-чуть — и выдерну кошку.

Замираю на месте, если можно так сказать о щепке в стиральной машине, принимаю вертикальную позу и вдруг касаюсь ногами дна. Мимолетное касание, потом поднимает очередная волна. Опускает еще раз, касания нет. Значит, еще глубоковато. О том, что это была вершина камня, а вокруг большая глубина, даже думать не хочется.

Рычу сквозь зубы от доставшейся мне зебры в виде судьбы. У нее вместо полосок, похоже, сплошная гнедая масть. Ну, может, с маленьким белым пятнышком на храпе¹.

Иду на крайние меры. Поджимаю под себя порядком окоченевшие ноги, выдергиваю из ножен на голени небольшой тонкий стропорез. Чиркаю им по пуговицам штормовки, расстегивать долго, да и руки плохо слушаются. Лезу ножом под плечевую перемышку спасика — дурак, надел бы спасик поверх штормовки, обошелся бы малой кровью. Режу обе плечевые перемышки, расстегиваю спасик и тащу его из-под штормовки. Вытягивается очень тяжело, но снять штормовку еще менее реально. Без спасика и в расхлестанной штормовке становится

¹ Храп — средняя и нижняя часть переносья лошади.

очень холодно, произвольная дрожь переходит в откровенную трясучку. Воткнуть нож обратно в ножны, да еще и хлястик застегнуть мне слабо. Втыкаю его в плотный бок спасика по самую рукоять, а спасик застегиваю вокруг веревки, буду жив — вытащу. Нырок в глубину теперь проходит совсем легко. Многокилограммовая, набравшая воды одежда, не уравновешиваемая больше спасиком, тянет на дно не хуже камня. Перебираю веревку, кошка где-то близко, только бы вдоха до нее хватило и чтоб глубина позволила еще раз вздохнуть, ибо в этой одежде мне уже не всплыть.

Сильное придонное течение от уходящей волновой воды отнимает последние силы. Воздух заканчивается, тянуть больше нет смысла, спиной ощущаю волнение на поверхности, значит, глубина небольшая. Перестаю тянуть веревку и, дав ей приличную слабину, резко отталкиваюсь ногами от дна. Еще один дельфиний прыжок выносит меня над водой, резкий выдох — и на вдохе накрывает волна, крутит, тянет назад и на дно. Наглотаться успел совсем чуток — сказочно повезло. Перебираю веревку как сомнамбула, скоро организм начнет отказывать. У самого дна ошутимо болтает, глубина совсем небольшая, и тут рука натывается на кольцо цевья кошки.

Остались секунды, лихорадочно продергиваю веревку через карабин шлейки, давая максимальную слабину, какую успею. Выдергиваю кошку из дна, отталкиваюсь от него и делаю подобие высокого выпрыгивания, на большее сил уже нет. На выдохе швыряю кошку в берег, далеко она не улетела, но и берег совсем рядом, я его не вижу окончательно отказавшими глазами, зато слышу буквально в нескольких метрах. На вдохе захлебываюсь основательно, сдерживая кашель, выбираю веревку.

Пока барахтался, меня отнесло на несколько метров назад. Тяну свою последнюю веревку-соломинку. Волны начинают швырять и бить о дно, значит, уже берег. Встаю на ноги, пытаюсь тянуть и идти. Волны, не оценив наглости смертника, сбивают с ног, намереваясь уволочь назад.

Тяну, встаю, падаю, снова ташу причальный конец. В ушах звон, ничего не вижу, пошел общий отказ организма. Встаю в очередной раз, и волна поддает под колени, падаю, конечно, но в душе улыбаюсь — раз волна подсекает так низко, значит, прибойную зону прошел. Еще несколько шагов, падаю на четвереньки, волна подпихивает сзади. Встать уже немислимо. Там, в

волнах за спиной, погибает соратник, до конца выполнивший свой долг.

Встаю, делаю пару шагов. Веревка в руке тянет вниз, дошел до кошки... Если за ней нагнусь — упаду и не встану. Выпускаю из рук веревку, бреду дальше. Веревку слегка закусывает в карабине шлейки, на автомате начинаю ее продергивать, выдавая слабину.

Внезапно понимаю, что никакой воды вокруг нет, оглядеться не могу, во всем мире темнота и тишина, звук выключился следом за изображением. Падаю на колени и утыкаюсь лбом в мокрый и холодный песок. Все тело трясет крупная дрожь. Полное спокойствие. Понимаю, что пошли последние минуты жизни. Самое время отряхивать сюртук, чтобы предстать перед привратником чистилища в подобающем виде.

Или время для Ангела Исцелителя АИ-1. На ошупь лезу снизу под свитер, к нагрудному карману рубашки, с трудом вытаскиваю величайшую ценность походника, выцарапываемую всеми правдами, неправдами и подкупам из армейских складов — его последний шанс. Плохо слушающимися руками раскрываю плоскую пластиковую коробочку войсковой аптечки старой сборки, нащупываю шприц-тюбик из второй секции.

Роняю аптечку на землю, сдергиваю с иглы колпачок и всаживаю шприц-тюбик в ногу. Боли не чувствую — эта система, похоже, тоже отключилась. Выдавливаю адскую смесь, не отпуская сдавленного тюбика, выдергиваю иглу. Все как по учебнику, но применяю впервые.

Падаю на бок в позе эмбриона: обещали максимум десять минут — и буду как новенький зомби. Если не получится, то далее только сюртук отряхивать. Правда, где-то тут обитает народ, но ни один идиот ныне гулять по пляжу не выйдет. Остается себя успокаивать — после шторма скорее всего нас найдут... Что останется, разумеется.

Порадовало возвращение связанных мыслей. Хороводы они не водили, скорее еле шевелились в каком-то киселе — но можно было начинать себя накручивать. Уж что-что, а накручивать себя умею, да и к Катрану испытываю действительно теплое чувство, так что сентенции типа «вставай, тряпка, друг в прибое погибает, не плыви по течению, тебе за две жизни еще побороться надо» находили в душе отклик.

Дрожь прошла, сил вроде не прибавилось, но попробовать шевелиться уже можно. Встаю на колени и начинаю сбрасы-

вать штормовку. Хотел бы знать, как долго действует смесь и когда подойдет пик формы. Как-то не поинтересовался этими вопросами, ограничился знанием где что лежит, как применять и от чего помогает.

Освободившись от многотонной тяжести, давящей на плечи, нашариваю около себя брошенную аптечку. Вернуть ее на место не рискую, засовываю в карман штанов и делаю пару пробных шагов. Штормит и трясет, ноги ватные, но как будет дальше, неизвестно — время начинать спасательную операцию. Выбираю слабинку веревки, идущей к катамарану, бреду вдоль побережья, чтоб тащить катамаран вбок, периодически пробуя тянуть. Оставшийся на пляже конец веревки натягивается, кошка мешает двигаться дальше. Идти за вцепившейся в песок кошкой нет сил — начинаю вытаскивать катамаран отсюда.

Тяну, упираясь ногами, тело швыряет из стороны в сторону, передавая через напряженную веревку буйство волн, ломающих катамаран. Главное, развернуть Катрана носами к берегу, вывернуть мачту из дна — дальше вытаскивать станет легче.

Постепенно веревка поддается, тащу, отступая назад от кромки берега, отталкиваясь ногами, руками пытаюсь компенсировать рывки. Рук и ног по-прежнему не чувствую, но главное, катамаран пошел.

Видимости никакой, дождь стеной и зрение на нуле, но судя по выбираемой веревке — все получается. Отошел уже слишком далеко от уреза воды, уперся спиной в береговой обрыв. Перебирая руками, двинулся обратно к воде, снова тяну — и еще раз к воде.

На четвертом заходе начало швырять сильнее, катамаран проходит береговой прибой. Сгоняю навалившуюся апатию: ответственный момент. Даже пытаюсь бежать, разгоняя кувыркающегося в прибое Катрана. Рывками причального конца меня сдергивает на землю, поднимаюсь, веревку на плечо, и как бурлак на Волге — тяну.

Стало получаться вытаскивать только импульсами, похоже, катамаран лег бортом на дно, и выбирать слабинку получается, когда волна баллоны приподнимает. Подстраиваю усилия под волну, продвигаюсь, пока хоть как-то идет. Ноги взрывают песок пляжа. Все, больше никак. Возвращаюсь по тросу к катамарану — форштевни лежащего на боку Катрана далеко вылезли за линию волнового наката. Какие-то смутные силуэты полу-

чается разглядеть. Упираюсь лбом в переднюю балку моста и пытаюсь отдышаться.

— Ну, здравствуй, дружище.

Берусь за двойную веревку, заменяющую штаг, и иду к топу. Мачта лежит в зоне наката, по коленям опять зло бьет волна. Нагибаюсь за топом мачты и, не удержав равновесия, падаю, разбрызгивая вокруг воду и пену.

Мокрее уже некуда. Поднимаюсь на колени, прижимаю верхушку рангоута к груди и встаю, отрывая от земли свою нелегкую ношу. Теперь рывками к берегу. Если мне удастся дотянуть топ хотя бы до середины пляжа — можно ставить себе памятник. Дотащить на самом деле хорошо бы до обрыва в конце пляжа. Опять начинаю себя накручивать. Проворачивающийся бортом по пляжному песку катамаран страшно мешает, но продолжаю толкать рангоут — сгребаемый песок препятствие преодолимое.

До обрыва не донес, споткнулся о здоровенный валун — странно, как только его раньше не заметил. Но дальше середины пляжа дотащил точно, так что с меня полтора памятника. Поднять топ еще раз даже не пытаюсь: сколько осталось во мне наркоты, неизвестно, а еще как-то все это крепить надо. Прилив выше уже не поднимется, есть шанс, что катамаран не смочет. С другой стороны, чего страдать? Выше мне Катран все равно не вытащить.

Иду вдоль мачты по пляжу к катамарану, на автомате оцениваю повреждения — порвана ромбованта, мешанина из фалов, краспицу загнуло... В общем, сплошная Цусима. Нашариваю на мосту, вертикально стоящем передо мной, герму с бивачным снаряжением. Пробую распустил притягивающие стропы. Нет, пожалуй, это не с моими силами, координацией и исчерпанной удачливостью.

Бреду искать спасик, он должен быть где-то у передней балки. Натыкаюсь на оборванный штаг с разлохмаченным стакселем, выпутываю его из мешанины такелажа и кидаю на песок вдоль катамарана под защиту палубы. И зачем это было делать именно сейчас? Вот что значит привычка.

Спасик нахожу там, где и предполагал, выдергиваю из него нож, ползу обратно резать стропы. Волоку герму по песку к топу мачты, от воды подальше. Из нее вытаскиваю большой тент, ставить палатку мне не по силам. Тент стелю под лежащей наклонно мачтой и забрасываю его концы на мачту, чтоб сви-

сали с обратных сторон. Снова бреду к катамарану, хотел срезать герму со шмотками, чертыхнулся, поняв, что нож бросил у тента, обратно уже не пошел. Похоже, завод у моей наркоты заканчивается, опять начинает знобить. Беру валяющуюся у носов веревку, которая сослужила сегодня великую службу, иду к тенту. Привязываю края тента к мачте с одной стороны, а с другой, той, что дальше от воды, тент привязываю к мачте, собрав гармошкой — получился конусный кулек, открытым входом в сторону моря, внутри должно быть сухо. То, что стекает по мачте, остановит намотанный перед тентом и свисающий конец веревки, ветер пока от берега, так что дождь не заливает.

Последним штрихом обматываю оставшуюся петлю веревки вокруг камня, это уже перестраховка, но пусть уж будет, раз везенье закончилось. Падаю на колени перед зевом кулька, получившегося из тента. Забрасываю внутрь пенку и спальник. Лишний раз благодарю учителей, настаивавших на паковке герм по принципу однородности использования: тенты, палатки, пенки и спальники — в одном месте, но переупакованные полиэтиленовыми пакетами, чтоб не мокли друг от друга. Еще наставники говорили заворачивать в спальник капитанскую фляжку, чтоб было, что принять перед сном — низко кланяюсь вам, други мои. Сдираю мокрую одежду и кидаю сверху на походившую герму.

Гольшом вползаю в кулек и запикиваю себя в спальник. Спальник липнет к мокрому телу. Процесс идет медленно, со стуканьем головой о мачту, но до завершения добирается. Кручу в руках свой капитанский запас и думаю, как он наложится на уже принятую химию. Решаю, черт с ним, как могут, так пусть и мирятся, у меня шансов проснуться утром и так немного.

Заглатываю прекрасный коньяк как простую воду, очень приличную дозу. Противнейший вкус морской воды и слабости напиток перебил — за одно это спасибо. Застегиваю спальник и иду на встречу с Морфеем. Самому интересно, он меня отпустит или отконвоирует к привратнику врат.

* * *

Просыпаюсь от настойчивого дерганья за ноги. Лучше бы помер вчера... Тело болит, поташнивает, и вместо снов были кошмары — хорошо, что не запомнились. Мычу, что со мной

все хорошо, только бы отстали, но тип попался приставучий, с на диво хорошим настроением. Он выдал мне в ответ фразу, заставившую откровенно задуматься. Общий смысл был понятен: какая-то из местных монастырских шишек зовет знакомиться, но вот стиль говора вгонял в ступор. С говором поморов в принципе знаком — говор достаточно специфический, с растягиванием фразы и усилением голоса к концу предложения. Но такого яркого носителя древнего слога еще не встречал. Если учесть сплошные старорусские словечки и построение фразы, для понимания которой надо выворачивать мозг, то проще вылезти и идти с ним к нормально говорящему образцу, чем пытаться вести диалог, напрягая мозги, и без того плохо работающие.

Ворочаюсь в спальнике, нащупывая замок молнии — опять спальник во сне перекрутил, похоже, ночка была беспокойной. Раскрыл спальник, посмотрел на лежащий рядом капитанский запас, решил, что это уже будет перебором, и начал выбирать-ся. Сразу стало холодно, босые ноги на мокром песке, общая промозглость погоды. Хорошо, дождь кончился, и от ветра пляж прикрыт обрывистым берегом.

Вытаскиваю спальник, накидываю на плечи и кутаюсь в него. Оцениваю свое состояние как паршивое, но на движение без рывков и усилий в принципе способное. Радует возврат зрения, правда, все размыто и приходится шуриться — но гигантский прогресс от вчерашнего налицо. Осматриваю местного мужичка, как-то тут совсем бедно живут. Знаю, конечно, что на Кольском народ живет много хуже, чем в Питере, но раньше не видел, чтоб чуть ли не в войлочных половичках, подпоясанных веревкой, ходили. Повезло, что поморы народ молчаливый. Стоит мужичок, меня рассматривает, с расспросами не лезет, есть время собраться с силами и мыслями.

Иду к Катрану. Он, похоже, ночевал спокойно — все лежит, как лежало, даже на разбросанное имущество никто не позарился. Поморы гордятся, что у них издревле воровства не было и дома не закрывали. Как там было раньше, не в курсе, а вот сегодня синеватые поморяне тырят все, что вокруг палатки лежит, и сразу пропивают. Выходит, чуток везения ко мне возвращается — поморяне рядом не проходили.

Пытаюсь отстегнуть вещевую герму — спальник сползает. Мокрые, затянутые стропы, которыми гермы пристегнуты к Катрану, поддаются плохо. Приплясывая голышом у катамара-

на, отстегиваю наконец герму, бросаю ее висеть на страховочной веревке, кутаюсь обратно в спальник.

Присаживаюсь перед гермой, начинаю быстро одеваться. Интересное, кстати, наблюдение, почему голый мужик первым делом запрыгивает в трусы, а женщина обычно одевается с верхней части, оставляя трусы на потом. Утепляюсь до состояния удовлетворения от жизни и начинаю перерывать герму в поисках запасных кед, так как запасных сапог у меня нет.

Наконец обуваюсь и начинаю процесс приборки пляжа, нечего лишний раз вводить местных в искушение. Собираться как положено сил нет, посему покидал в гермы что мог, остальное закинул в кулек тента. Сходил вдоль пляжа за кошкой, подобрал там же мокрую кучу, которая раньше была штормовкой. Штормовку развесил на мачте, кошку зацепил за транец и повесил на нее свернутый в несколько колец остаток веревки.

Прошелся еще раз по пляжу, вроде ничего в глаза не бросилось. Оценил организм на предмет поесть. Есть хотелось, но одновременно ощутимо тошнило. Решил не рисковать. Мужичок, раньше неотрывно за мной наблюдавший, ковырял загнутый рог краспицы, надеюсь, это он не к цветмету приглядывается.

— Ну что, пойдём? — задаю вопрос помору.

Он замирает — такое ощущение, что переводит мысленно фразу с русского на китайский, — потом кивает и идет по пляжу, забирая существенно правее места моего крушения.

Дальше мы забираемся на обрывистый берег по еле заметной тропке, буксуя на осыпающемся склоне. Останавливаюсь обозреть окрестности, прикрытые ранее обрывистыми берегами. Красивейшие тут все же места, если бы не штормовая серость — была бы вообще открытка.

Впереди, достаточно далеко, небольшой поселок с церквушкой. Перед ним на пляже угадываются мелкие черточки лодок, а рядом с берегом, на рейде, стоит крупный одномачтовый баркас. Я несколько раз бывал на Кольском, и меня уже не удивляет разнообразие местных плавсредств — тут можно встретить и лодку-долбленку, и чуть ли не старинный поморский коч, а рядом с ними будет лежать современная моторка и на рейде стоять проржавевший до сквозных дыр малый траулер.

На этот раз увидел баркас с уклоном в старину — флаг им в руки, если делать нечего. Хотя если разрешат, полазаю по бар-

касу с удовольствием — у такого самостроя всегда можно встретить интересные технические решения.

Идем к поселку. Плотнее застегиваю куртку, наверху ветер значительно злее, хотя местные к нему, похоже, привыкли. Мой провожатый идет бодро, в свой половичок не кутается, с разговорами не лезет. Довольно бодро дошли до домиков. Поселок как поселок — домики старые, с низкими, нахлобученными крышами, венцы почерневшие от времени и непогоды. Маленькие окошки-бойницы под самой крышей — вот это уже необычно, я такие только у музейных экспонатов видел.

На дворах домов попадается деревянный хлам, не видно разбросанного железа и полуразобранных механизмов, как это обычно бывает. Вряд ли они прибрались к моему приходу. Начинаю опасаться, что попал в общину староверов — у них пунктик на стиле жизни, завещанном предками, а с ними общаться весьма не просто, тараканы у них в голове больше моего Катрана размером. Знакомого, ночевавшего в такой общине, чуть не женили — он, мол, девушку за руку подержал, урон девичьей чести нанес. Расслабленное настроение улетучивается, надо срочно ремонтироваться и отчаливать, желательно до темноты. Лучше на другом берегу залива лагерем встану и отремонтируюсь основательно.

Заходим в домишку, предварительно обстучав обувь на пороге, высоко задирая ноги через порог и согнувшись пополам в низком проеме. Темные узкие сени с висящей по стенам рухлядью и стоящей у двери лавкой, придерживающей пару деревянных бадеек с водой. Из сеней вступаем в горницу через такой же миниатюрный проем. Одна большая комната, стол, лавки, большая печка. Остальное убранство декорировано серыми простынями, служащими, наверное, перегородками.

За столом сидит поп, если судить по одежде. Мой провожатый крестится на иконы и кланяется попу. Ну, не то чтоб в ноги упал, скорее, изобразил поклон. Немая сцена: все смотрят на меня. Из-за простыни выходит местная хозяйка в толстой и длинной ночной рубашке, видимо, считающейся платьем.

Точно староверы — подозреваю, основательно попал. Надеюсь только, до торжественного сжигания некрещеного меня дело не дойдет. К вопросам веры и религии тут относятся очень трепетно.

— Мир дому вашему, благополучия и здоровья хозяевам, — начал представляться. — Зовут меня Александр, попал в шторм

у ваших берегов и сильно поломался. С ремонтом способен справиться своими силами, но был бы благодарен за помощь в подъеме лодки и спуске на воду.

Поп смотрит на меня как-то более пристально, похоже, как и провожатый, переводит мысленно с русского на китайский. Потом выдает фразу на сленге проводника — выходит, напрасно надеялся, что проводник был уникальный. Теперь сам мысленно перевожу с китайского на русский, складывается примерно следующее.

— И тебе, ветряной гость, здоровья и жира. Откуда ж ты будешь, коль на иконы не крестишься?

Врать смысла не видел, все же старообрядцы не звери, относиться будут, конечно, хуже, но мне с ними не жить, а катамаран в крайнем случае подниму в одиночку.

— Еду от Питера, и уж простите, но не крещен, вот и не кланяюсь на иконы.

Поп впадает в ступор, можно подумать, что к нему рыбаки с траулеров не заходят водки попить. Хозяйка скрывается за перегородкой, надеюсь, не за ухватом пошла для отваживания нечистой силы в моем лице.

Поп с провожатым отмирают. Провожатый откланялся и вышел за дверь. Поп указывает мне на лавку, говорит на своем сленге явно медленнее, наверное, чтоб мне переводить было проще.

— Присаживайся, гость, пых переведи, да снестать за разговор зачнем.

Переводить мне было довольно сложно, смысл многих слов угадывался только из контекста, правда, дело уже пошло веселее, мозг вывернулся, подстраиваясь под новые построения фраз, перевод был практически синхронный.

Радовало, что назвали гостем — теперь, если не наломать дров, вполне могут помочь. Сажусь на лавку, хозяйка выносит пару деревянных мисок с чем-то однородным, похожим на пюре, и ставит перед нами. Попик перекрестил стол, опять на меня покосился, но ничего не сказал. Вытащил откуда-то из-под стола ложку величиной с мой походный половник, да еще и из дерева вырезанную. Мне подумалось, по ассоциации, что хохломской росписи не хватает. Пощупав на всякий случай под столом, мало ли, вдруг там у них полка с шанцевым инструментом, откидываюсь на стену избушки и говорю:

— Прости, отец... — Попик был весьма пожилой. — Моя еда и посуда у лодки осталась.

Попик моментально отреагировал, повысив голос в сторону перегородки:

— Мать, гостю столовать нечем.

Хозяйка приносит мне еще один образец народного творчества, зачерпываю им чуть ли не треть миски, кошусь на попика. Тот держит ложку на весу, отъедая понемногу ее содержимое. Следую его примеру.

Жуть какая невкусная бурда — могу сказать только, что это нечто растительного происхождения на жиру. Ну да едали в походах и покруче, помнится, в горном походе наша поварешка макароны в холодной воде сварила, газ, блин, сэкономила, так вот эта каша гораздо вкуснее того клейстера. Отвешиваю комплименты в сторону перегородки, надеюсь, это воспримут как вежливость, а не как покушение на женскую честь. Еще больше надеюсь, что мою вежливость не истолкуют как просьбу добавки, живот крутит, и приходится глубоко дышать.

Попик неспешно рассказывает, что звать его отец Никодим, даже должность в обители назвал, но мне она ни о чем не говорила, кроме того, что тут есть обитель преподобных Ионы и Вассиана Пертоминских. Жду, когда начнет расспрашивать о том, что на Большой земле происходит.

Антенн на крышах домов не заметил, человеческое любопытство староверам не чуждо — дойдем и до расспросов. Ну вот, как и предполагал!

Начинаю подробно расписывать, что было интересенького за последнее время. Еще как следует начать не успел, вернулся мой провожатый, привел с собой еще одного попика, совсем старенького — оба отдали должное углу с иконой. Понятное дело, пришлось прерваться.

Батюшка Никодим привстал, изобразив поклон вошедшему, из чего можно заключить, что пожаловало начальство. Хозяйка из-за перегородки вышла, поклонилась глубже, пригласила гостя к столу, опять за перегородку убежала. Провожатого, кстати, никто никуда не приглашал, и он опять исчез за дверь, надеюсь, не за следующим гостем побежал.

Хозяйка вынесла еще одну миску, наверное, праздничную, с резным узором по краю. Поставила перед гостем, присела на лавку рядом с Никодимом. Гость так и не представился, стол

перекрестил, но есть не торопится. Отец Никодим провел для новоприбывшего краткий обзор наших переговоров

— Вот, ваше высокопреосвященство, прислал нам Отец наш иноземца некрещеного, морем поломанного. Говор ведет странно, зело интересно, — и, обращаясь уже ко мне: — Александр, зачни еще раз для архиепископа Афанасия.

На самом деле сказал не совсем так, но записывать привычные обороты мне будет гораздо удобнее. Повторить историю мне несложно, начал не торопясь. Для затравки — как вляпался в шторм и попал под молнии, потом плавно перешел к подготовке похода, от него уже перескочил на последние новости и события в мире, сжато поведав основные происшествия.

Сокращенно рассказывал по понятной причине — раз Афанасия называли архиепископом, то он точно не из этой глуши, минимум из Соловецкого монастыря приехал, с проверкой, наверное. На Соловках мне бывать приходилось — там антенн торчит тьма, и тарелку спутниковую видел. Так что пускай Афанасий сам подробно своих подопечных просвещает.

Пока рассказывал о себе да о переходе, часто переспрашивали. Афанасий оживился, шторм обсуждали уже бурно, архиепископ, оказывается, попал под ту же раздачу, правда, он утверждает, что никаких молний не видел. Это неудивительно, так как он сам сказывал, как неистово молился всю непогоду — сидел наверняка в задраенной каюте. Пришел он на том самом баркасе, который отстаивается на рейде, тоже мне, любитель старины — моторок, кстати, на Соловках полно.

Тем не менее, когда упомянул кратко события в мире — слушали меня молча, но с явным интересом. Может, на Соловках электричество кончилось или там за событиями не следят, но, в конце концов, лектором не нанимался — отдал долг гостя, пора и за ремонт приниматься. Закруглился.

В наступившей тишине Афанасий посидел молча, глядя почему-то на икону, можно подумать, совета испрашивал. Потом положил обе руки на стол, к еде он так и не притронулся. Обратился ко мне:

— Зело, отрок, твой бай инороден и слова странные. Но не буду пока думу торопить. — Продолжил, обратившись к Никодиму: — Не пойти ли нам, Никодим, на море глянуть, гостя нашего проводим, на диковины посмотрим, твой Клим с заутрени всей обители о них только и бает.

Как известно, в армии пожелания начальства должны исполняться быстро и с прилежанием. Церковь в этом отношении от армии не очень отличается. Быстро собравшись, мы вышли под промозглый ветер. Уходя, рассыпался в благодарностях хозяйке, она покровительственно мне покивала. Вроде первый раунд обошелся без обид и угроз достоинству.

Шли медленно, периодически меня спрашивали о том о сем. Какая все же мелочовка им интересна. Ну какая разница, на чем приехал? На поезде, разумеется. Какая разница, на каком таком поезде? На 390-м, если так понятнее будет. Как-то начинают они мне напоминать недавно слезших с пальмы — такое в наше время, тем более в снегах Севера, редкость, а тут сразу два раритета. Еще и поселок старообрядческий этот, ни одной моторки на берегу. Странно все как-то.

На берегу нас ждал аншлаг, по местным меркам, разумеется. Мужиков пять ходило вокруг Катрана, в основном рассматривали, изредка что-то ощупывали. Пара пацанов слушали, о чем им вещал активно размахивавший руками третий пацан, который сидел, кстати, на мачте — сейчас буду уши драть за порчу судового имущества.

Увидев, как наша троица спускается на пляж, пацаны убежали спасать уши. Один мужичок пошел нам навстречу. Одежка у всех прямо для массовки фильма «Россия молодая», даже, пожалуй, естественнее выглядит. Нельзя же так основательно крышей ехать! Предки предками, а добротной, недорогой, современной одежды полно! Зачем эти перегибы?!

Мужичок нас встретил, раскланялись — будьте здоровы, и вам не болеть. Потом Афанасий спрашивает у встречающего:

— Поведай, Антон, что так тебя в лодке гостя нашего удивило, ты помор опытный, с иностранцами не раз хаживал.

А этот «опытный» кормчий давай чуть ли не с пеной у рта вещать о железном каркасе и мачте... Кстати, не железном, а дюралюминиевом — это еще раз говорит о его «опытности». Но добил мужичок меня описанием кожаных мешков, надутых воздухом. Так моего Катрана еще не оскорбляли! Слушать дальше этот бред уже становилось неприятно, заигрались вы, мужички, в старину. Ну да мы с товарищем тут проездом.

Прервал поток ахинеи от кормчего, вежливо извинился, сказал, что надо лагерь разбивать, мало ли дождик снова, откланялся. Пока перетаскивал гермы на приглянувшееся мне место под обрывом, этот кормчий заливался как соловей перед

двумя стариками, хорошо, что не слышу. Потом потянул их на экскурсию вокруг катамарана. Остальные мужики что-то степенно обсуждали в сторонке, только один подошел, спросил, не нужна ли помощь. Особой шепетильностью в походе стараюсь не страдать, поэтому мы с Прохором лихо перетаскали гермы и натянули тент. Представился он Прохором Никитичем, но на полном именовании не настаивал. Помощник он был средненький, с походным оборудованием совсем не знакомый, так что палатку пришлось ставить одному.

Затем побегал по пляжу, собирая разбросанное, сложил что под тент, что в палатку. Сняли с катамарана обвесы из надувных катков в брезентовых чехлах, положили у будущего костра. Вот кострище Прохор сложил — залюбуешься, еще и мужиков послал пройти по пляжу за плавником. Выданную мужикам пилу и топор все осматривали с живым интересом — вот ведь действительно край непуганых поморов.

Пока искали дров, поставил на примус кан с водой под чаек. Пришли с экскурсии старички-поповички с мужиком, явно не заслуживающим звания кормщика. Но, какие ни есть, а гости — рассадил их на катки, обещал в скором времени чай и продолжил строгать бутерброды.

Выглядели мои гости тихими и задумчивыми, наверное, все силы на дебаты положили. Прохор освоился, сидит на катке и стругает лучины моим стропорезом. Кстати, в комплекте походной кухни обязательно должен быть свой нож, который только готовкой занимается. Если им начать деревяшки строгать и в сомнительных местах ковыряться — отравиться раз плюнуть, как ни отмывай. Ну да это лирика.

Вода закипела, бросил туда заварки, потушил огонь — топливо надо экономить — и оставил настаиваться. Гости за моим действием смотрят не отрываясь, начинаю чувствовать себя на сцене. Простите, гости дорогие, но кружек у меня только две. Наливаю варево по кружкам для старцев, им по возрасту положено быть первыми.

— Сколько вам сахару положить, батюшки? — обращаюсь к ним, держа в руках кубики сахара. Чего их так передергивает? Может, как-то по-другому положено обращаться? Уж простите меня, городскую чучундру.

— Не надо ничего класть, — говорит задумчиво Афанасий, но с места не поднимается. Ну, да мне несложно — отношу им

кружки. Забрав у меня тару, батюшки, не сговариваясь, забрали у меня и по кубику сахара.

Как-то не идет у нас общение: все сидят как новички в чужой компании. Слегка разбавили повисшее молчание пришедшие мужики с дровами, пока пилили да строгали, разговоры худо-бедно заковыляли. Старцы допили чай и откланялись, мол, им надо высочайшему отчитываться — это они что, побегут по радию общаться с руководством, что ли? А с другой стороны, пусть развлекаются, как хотят.

С уходом церковного начальства мужики явно расслабились. Быстро запалили небольшой костерок, заминка вышла с их кресалом — слабые искры давало. Надо, кстати, попробовать себе нечто похожее выцыганить — незаменимая в походе штука. Потом выставил кан с чаем на любовно выложенную Прохором приступку у кострища, переложил бутерброды на крышку кана и положил рядом с чаем. Добавил туда начатую коробку с сахаром, уселся и понял, что проголодался. Организм переборол болячку или расходился за день.

— Ну, мужики, налетайте. — Хватаюсь за бутерброд побольше.

Прожевав чуток, черпаю кружкой чай, запиваю и ставлю ее для всеобщего потребления. Мужики присоединяются, в разговорах опять пауза. Потом Антон просит рассказать, как штормовал.

Моряки — это те же рыбаки. Рыба в их рассказах растет прямо на глазах. В процессе взаимных пересказов событий несколько улучшил свое мнение о кормчем, если мужик неграмотен технически и это ему не помешало быть хорошим мореходом — сие талант от бога. Попутно из рассказа Антона стало понятно, что шкипер у них на баркасе неопытный, но очень именитый — задал авторитетом всю команду и попер дуром в шторм, да еще чуть судно не угробил. Так что Антон вытягивал баркас с камней у берега практически за уши — остро к ветру его яхта не ходила даже в девичестве, а их шкипер, Петр, загнал ее к подветренному берегу, вот Антону и пришлось отжимать яхту по миллиметру на глубокую воду. Петр в это время настаивал на подходе к берегу и давил авторитетом — действительно совсем зеленый шкипер.

— Антон, надо было посылать твоего шкипера в трюм, чтоб не мешался, коль ничего не понимает, — высказываю самую логичную в такой ситуации мысль.

— А ну-ка, гость дорогой, подскажи, отчего же шкипер с твоих слов так туг на ум? — раздался голос из-за спины, и под

тент заходит молодой парень лет двадцати пяти, длинный, как мой приятель, только не такой накачанный.

Мужики встали, поклонились — наверняка это шкипер и есть, тогда неудивительно, что он их давил. Это у меня выработался иммунитет на здоровые «машины для убийства», без привычки таким перечить не хочется.

Тоже встаю, приглашаю к столу. Он на меня посмотрел также странно, как до этого святые отцы, но ничего не сказал, сел на мое место и без зазрения совести начал харчить отложенный для меня бутерброд. Махнул мужикам, мол, не отвлекайтесь — те начали рассаживаться.

Места особо уже не было, пошел за пенделем, пристегнул его на пояс и уселся поближе к костерку. Шкипер смотрит на меня с ожиданием, мужики — с каким-то затаенным страхом. Что ж, попробую быть вежливым, а то такие юнцы взрываются как порох, особенно когда их критикуют. Точно знаю, сам такой.

— Вы позволите называть вас Петром? — задаю вопрос для разминки.

Мужики на глазах начинают бледнеть, наверное, положено было добавлять шкипер, или великий шкипер, или что-то в этом роде. Начинающие мореманы с гонором на это сильно падки. Но шкипер, глядя в мои спокойные глаза, кивает.

— Любо, так тому и быть.

Мысленно почесал затылок — случай еще более запущенный, чем мне казалось. Продолжаю спокойным тоном:

— Меня звать Александром, путешествовал по Белому морю не один год. — Надеюсь, они понимают, что не постоянно этим занимался, а только во время отпусков, не хотелось бы потом осетра урезать. — До этого ходил и по Ладогге, и по Онеге. Не могу назвать себя морским волком, скорее волчком, но основное правило поведения в шторм — это держаться подальше от подветренного берега. Об этом во всех книгах капитанов наставляют. Шкипер должен приложить все силы и средства для ухода от таких берегов. Если он умышленно идет на сближение с берегом во время шторма, да еще не имея средств отойти от него в случае опасности... Ведь так понимаю, ваша яхта против ветра ходить не может?.. Такой шкипер обрекает большинство своей команды на очень неприятную смерть, в том числе, возможно, и себя, а врученное ему судно — на гарантированную сильную поломку или полную гибель. Таких шкиперов хозяева судов обычно списывают на берег. Если же шкипер

сам хозяин судна, — это добавил, подумав, что с таким гонором шкипер наверняка еще и владелец, — то после одного подобного плавания команда списывается на берег сама и по всем кабакам пойдет гулять слух, на какой корабль наниматься не стоит. А моряки народ очень суеверный...

— Ничего в том береге страшного не было, подошли бы ближе да на якоря стали!

Ну надо же! Он еще и ершится.

— Нет, Петр, на якорях бы рядом с берегом не отстоялись. Ветер был из горла Белого моря, места ему хватало, волну он разгонял крупную. Перед берегом, где становится мельче, волны вообще звереют. Удар такой волны по яхте, стоящей на якорях, способен разбить ее обшивку, а несколько сот волн сделают это точно. Если хватит длины якорных канатов, можно было бы встать поглубже, там волна не так страшна, как у берега, но тут другая беда — якорный канат с большой глубины очень резко идет к поверхности и мешает якорям хорошо зацепиться...

Продолжаю вещать простейшие аксиомы мореплавателя, а сам думаю: какая сволочь этому неучу удостоверение рулевого продала! Ведь явно вижу, человек раз за разом «Америку» для себя открывает, значит, в учебники даже не заглядывал.

Мужики тоже слушают с интересом, но без огонька, как у их шкипера, то ли им это не интересно, то ли сложно, то ли знают все это. Закругляю лекцию об элементарной хорошей морской практике — можете посмотреть на мой пример: выбрасывался на берег в закрытой бухте, против ветра, на легком судне и то полomalся да и жив остался чудом!

То, что сам дурак и мог на рейде бухты отстояться — шкиперу говорить не стал, чтоб не портить картины.

— Так что ж, Антон, выходит, спаситель ты наш, и зря я тебя с яхты прогнал? — обращается Петр к кормчему.

Тот понурил голову, как будто не его хвалят.

— Прости меня, отец наш всемилостивейший, за слова мои резкие, не успевал я яхту от камней отвести.

Похоже, тогда кормщик послал шкипера куда подальше. Похоже, только поэтому они и живы остались. Вот только сложные у них отношения, как-то не тянет их шкипер на отца, тем более всемилостивейшего, с таким-то гонором.

— Прощу, — великодушно соглашается их всемилостивейший. — И еще сотню алтын жалую.

— Благодарю, благодетель, вот бы еще крест святой в честь спасения по нашим традициям у взморья поставить.

— Раз по традициям, завтра же и сполним. Сам оправлю, а Афанасий пусть освящает!

Петр зачерпнул еще чаю — кружку он так никому и не отдал, единолично пользовался, хотя, кроме меня, это никого не напрягало.

— А пришел я, Александр, с тобой сам толковать, зело необычное Афанасий о тебе речет. На думы это странные наталкивает, вот и восхотел на все сам посмотреть да перемолвиться с глазу на глаз.

Мужики как-то разом заерзали.

— Дозволь, Петр Алексеич, мы по дрова пройдем, а то спалим запасы гостю.

Странные у шкипера отношения со своей командой, а это, судя по всему, и есть его команда. Не вся, разумеется, кто-то должен был и вахту на рейде стоять. И чего они про запасы-то? Сами же все принесли! Могли бы повод... да вообще могли без повода. Но со своим уставом в чужой монастырь лезть вроде не положено. Петр махнул им рукой, мол, двигайте. А сам меня рассматривает.

— Скажи еще, как сюда добрался да откуда отправился.

Тяжело вздыхаю, про себя, разумеется, и завожу шарманку по третьему разу. Только тут мне отделаться общими словами не дали — про шторм чуть ли не поминутно рассказывал. Петр интересовался всем, причем спрашивал, почему так поступал, а не иначе — ему явно было делать нечего! Когда в рассказе добрался до входа в бухту, прибежал еще один парень, нашего с Петром примерно возраста, причем именно прибежал. Теперь он стоял, тяжело дыша и явно собираясь что-то сказать. Петр махнул ему рукой и указал на катки:

— Сядь, Алексашка, помолчи и послушай, что твой тезка бает.

Начинать четвертый раз точно был не готов. Но обошлось, продолжил повествование, успевая не столько рассказывать, сколь на вопросы отвечать и разжевывать, почему именно так делал.

Пришлось даже признаваться, что лопухнулся несколько раз, начиная с основной ошибки — не отстоялся на рейде, продолжая моей опасной самоуверенностью — надо было при подходе отдать становой якорь сзади, и тогда был реальный шанс

стабилизироваться или даже вытащить катамаран назад, если бы все складывалось неудачно. Любопытство Петра было неиссякаемо, такое ощущение, что он про нюансы морской практики вообще впервые слышит.

Хоть и неприятно собственные ошибки разбирать по косточкам, но аудитория была ненасытна, и потихоньку втянулся. Разобрав мою неудачную выброску на берег, перешли к аналогичным примерам, про которые читал раньше. От них перебрались к просто поучительным примерам, далее скатились на байки. Рассказывать все больше приходилось мне, Петр досконально терзал вопросами, а Александр только вставлял междометия типа «Да быть того не может» или «Экая нелепица». Петр зыркал на него, мол, не мешай просветительскому разговору.

Чай весь выдули, живот предложил поужинать — уже несколько часов мы тут байки травим. Так что начал готовить макароны по-флотски, на костре, разумеется, зачем топливо зря жечь, если дрова есть? Если еще вспомнить, что мужики обещали дров принести и за это время они их на неделю запасти могли, то о костре можно не волноваться.

Повесил кан с водой над огнем на треноге. Тренога, кстати, ажиотажа не вызвала, а то начинал опасаться, что народ тут совсем дикий. Разговоры перетекли в более вялую фазу — все уже подустали от дискуссий, просто сидим, смотрим в огонь да в кан заглядываем.

— А поведай мне, Александр, какому богу молитвы несешь?

Достали они меня своей религией! Теперь и Петр туда же.

— Некрещеный я, хотя уважаю православие. — Надо же было как-то корректно высказываться, для староверов это большое место.

— Османы тож нехристи, но молитву своему богу несут исправно!

Петр, наверное, решил, что раз некрещеный, значит, мусульманин или нечто подобное. Видимо, он и мысли не допускал, что можно быть самим по себе. И кто у него в школе историю преподавал, что он до сих пор турок османами называет? Хотя, может, и никто не преподавал, так и рос в общине. Странно, что мое отношение к религии народ основательно волнует, надо как-то помягче его отшить с этим, мне только еще одних свидетелей Иеговы не хватало.

— Понимаешь, Петр, в моей семье не придавали значения ритуалам, церкви, и священников рядом не было. Меня не крестили, и церковных порядков с праздниками не соблюдал...

Мысленно поправил себя, что куличи на Пасху очень даже соблюдал и блины на Масленицу не пропускал, хотя это вроде языческий праздник.

— Не молюсь Аллаху или Будде... — Перед глазами сразу всплыли наши слабоумные в желтых простынях и кроссовках, бродящие по полуметровому снегу и напевающие «харе раму». — Не возношу жертвы идолам. Мои родители учили меня тому же, что звучит в православном Писании. И про не убий, и про не укради... Но они учили меня не быть рабом никому, даже богу.

Вот тут, похоже, перегнул. Вон как оба вскинулись! Петр аж напрягся весь, а Александр высказал свое «о как!». Петр сдержался, услышав со стороны, как глупо звучат такие высказывания. Спросил, яростно сверкая глазами:

— Может, тебе в помазанники божии восхотелось?!

А сам распаляется. Зря все-таки эту тему затронул, теперь не знаю, как сказать человеку с черно-белым мышлением про зеленый цвет. В шутку, боюсь, уже перевести не получится, могут ведь и неправильно понять, если пошучу, что «не откажусь».

— Нет, Петр. Хочу быть просто человеком. За раба принимает решения хозяин, а помазанник решает за всех. Не хочу, чтоб за меня принимали решения, но и решать за всех мне не по силам. Всего-то и хочу, что принимать свои решения и самому нести за них ответ. Понимаю, что всегда будет человек, который решает за всех, и если его решения не исполнить, то наступят смутные времена. Ответственность такого человека огромна, его решения могут рушить и возрождать державы, но и ценой его ошибок будет море крови. Такому человеку обязательно нужны помощники, которые не рабски будут выполнять букву его решений, а исполнять их дух. Которые смогут спорить и доказывать свою правоту...

По мере того как я говорил, Петр ошутимо расслаблялся, потом стал слушать заинтересованно. А мне эта бодяга уже надоела. Не то чтоб врал в разговоре, где-то так я себе это и представляю. Но уж больно пафосно звучат подобные мысли, облаченные в слова. Но иначе, похоже, этих фанатиков будет не пробрать. Так что по-быстрому закруглился:

— ...согласись, Петр, такие люди рабами быть не могут, помощниками — да. Слугами, в крайнем случае, но никак не рабами.

Надеясь закруглить на этом диспут, начинаю засыпать макароны в закипевшую воду. Вспомнил, что из-за этих нервов забыл воду посолить, сбегал за солью.

— Хорошо изрек...

Петр намеков о завершении беседы не понимает.

— Но это ты все о людишках. Не мыслишь же ты, что всеблагой наш создатель нуждается во всем этом?

Так и хотелось сказать: «Да, нуждается! Зачем ему нужна толпа рабов, которых он по своему образу и подобию лепил? Он что, тоже раб? Или он творец, который занимается самолюбованием, ждет постоянных восхвалений и лизания задницы? Как-то не вяжется такая мелкая душонка с образом творца всего сущего. Может, он все же хотел видеть вокруг себя помощников, творцов, пусть и с меньшими силами?»

Но если все это тут выскажу, меня явно прямо здесь закопают.

— Мне сие неведомо, — отвечаю, помешивая макароны. Надо же, один день с этими языковыми униками общаюсь, и уже из меня полезли словечки типа «зрю и вижу» или «азм есть»... — Зато ведаю, как одна весть, пройдя через несколько пересказов, становится совершенно иной.

— И мне это ведомо. — Петр искренне не понимал, куда веду. — К чему ты о пересудах?

— К тому, что священники тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Они сами так говорят. — Высказываясь, раскопал кедом ямку в песке и стал сливать туда воду с макарон. — Они пересказывают и переписывают заветы создателя и слова, сказанные от его имени, уже больше полутора тысяч лет, да еще и переводят с одного языка на другой... — Начал открывать банку тушенки, по-моему, это действие заинтересовало гостей больше, чем тема беседы. — Не верю, что создатель хотел видеть рабов в своих творениях, созданных по его образу и подобию. Мыслию, что церковные тексты накопили ошибок от переписывания, пересказов и переводов, но эта вера только моя, и я никого не хочу в ней убеждать.

Петр как-то странно хмыкнул, похоже, даже развеселившись.

— Так, говоришь, еще один раскол к церкви нести не намерен?

— Не намерен! Немочно мне быть святым проповедником. — Пытаюсь пошутить, раскладывая часть макарон с тушенкой по двум тарелкам, больше у меня просто не было. — Готов буду покреститься в тот же день, как священнослужители сменят слова «раб божий» ну хотя бы на «слуга божий». Батюшки утверждают, что слово — это могучая сила. С этим не поспоришь. Но отчего же они так плохо выбирают слова? Ведь слуга и раб — это великая разница!

— Так тому и быть, — говорит Петр, принимая от меня миску макарон с ложкой. — С Афанасием переговорю, а то ж он удумает еще чего. А зарок твой услышал! Может, к нему еще поворотимся.

У меня даже макаронина поперек горла встала. Ну уж спасибо, обласкал. Надо выяснить у кормщика, может, их все же приложило о камни? Чего они все такие стукнутые?!

Дальше ели молча. Подустал от этих гостей — и то им не скажи, и это не так. Был бы катамаран на ходу, уже давно улепетывал бы в сторону Соловков. Даже шторм этот непрекращающийся, хоть и ослабевший слегка, меня теперь не остановит.

Петр отставил пустую тарелку, встал и потянулся. Александр, последнее время тихо сидевший, положил свою уже давно пустую тарелку рядом и вскочил за ним. Встал и я вслед за гостями, отодвинув котелок, в котором оставалось еще очень прилично макарон, — проводить гостей. Надеюсь, они совсем уходят, а не отлить пошли.

— Завтра приходи к освящению креста, еще поговорим, зело разговоры странные вышли... Пришлю за тобой матроса опосля заутрени.

И Петр с Александром ушли по-английски, то есть не прощавшись. По пути все же отвлеклись на дело, в котором их раньше заподозрил.

Повторив маневр гостей с «делом», уселся обратно к костру и закурил. Мужики с дровами так и не появились, заниматься катамараном уже как-то настроения не было. Прибрался на стоянке и завалился спать, хоть и рано еще было. Но, в конце концов, у меня отпуск! Плюс еще числюсь больным на всю голову и потерпевшим крушение в нагрузку. Спать! Где мой капитанский запас?

Утро началось по сценарию, утвержденному для этого берега. Меня трясло за ноги, не додумавшись расстегнуть молнию, а прямо через палатку. Покричал, что иду, начал потягиваться и просыпаться. Сегодня выспался! Общее состояние оценивается как среднее. Выбираюсь в тамбур обуваться, ожидая увидеть своего вчерашнего проводника, но там мужичок из команды Петра, он вчера представлялся, но имени я не запомнил.

Дров, кстати, лежит целая куча, то-то мне под утро мерещился деревянный перестук. Мужик по-хозяйски греет на костре воду. Перебрасываемся с ним пожеланиями здоровья, и убегаю на моцион.

Прибежал от моря мокрый и умытый, теперь сполоснуться пресной водой и буду готов к трудовой деятельности. Отдаю мужику распечатанную пачку чая, он ее с интересом изучает: им сюда что, чай в кульках из газеты привозят, что всякие картинки такой интерес вызывают?

Лишний раз радуюсь поморской сдержанности, мне политинформации и диспуты еще вчера надоели, я сюда отдыхать приехал. Ставлю на приступку поближе к огню кан со вчерашними макаронами, пускай жир разойдется. Закуриваю, усевшись у костра, зачерпываю чая, вспоминаю про сахар, приходится вставать и лезть под полог палатки.

Ну вот, наконец-то и первый глоток чая. Хорошо! Кругом шумит море и ветер, пляж заляпан выброшенным мусором и пеной, запахи выразительные. Просыпаюсь окончательно. Предлагаю мужику макарон, он не отказывается, говорит только, что поспешать надо. Точно! У нас же сегодня по плану закладка спасительного креста. В этом деле мне точно нужно участвовать, все же и меня спасло чудо.

Добиваем макароны, допиваем чай в кружках, посуду помою потом, каны закрываю плотнее — от любопытных собак, кидаю всю мелочовку под полог и застегиваю палатку. Мысленно хлопаю себя по лбу — надо же и от себя какое-то участие для креста! Лезу обратно и достаю из ремкомплекта паруса рулончик георгиевской ленты. Осталось окинуть стоянку взглядом, не валяется ли что забытое, и можно идти.

Идем вчерашней тропинкой, трава сегодня суше, обветрилась, кеды не промокнули. На пляже перед поселком копошится

народ, видимо, там крест и будут ставить, хотя это вроде не по традициям. Возможно, кормчему постеснялись их объяснить.

Поморская традиция с крестами древняя и романтическая. Если прижало тебя море так, что спасся только чудом — поставь крест на возвышении, чтоб всем проплывающим было видно — на этом месте было явлено необычное. Проходящие мимо таких крестов отдавали дань чуду кто как умел. На особо опасных местах все холмы побережья могли быть уставлены крестами — поначалу думал, что там кладбища, пока мне не рассказали эту традицию.

Кстати, мистика мистикой, но из-за массы таких спасительных крестов и людей, молившихся на них, говорят, эти опасные места намолены не хуже храмов, и крушений в них стало значительно меньше. Хотя, подозреваю, просто навигационное оборудование стало шире применяться, и суда стали строить надежнее.

Дойдя до пляжа, застали только конец мероприятия. Трехметровый крест вкапывали недалеко от обрывистого берега. Белый крест на темно-коричневом фоне берега бросался в глаза. Вокруг креста стояли десятка полтора жителей поселка, плюс пяток старших ребяташек.

У креста возился Петр и несколько человек его команды, из которых я знал только кормчего. Кроме того, стояла там небольшая компашка наблюдателей, одетых побогаче, из которых узнал Афанасия с Александром.

Пройдя сквозь редко стоящих зрителей, подошел к кресту поближе, громко пожелал всем здоровыми быть, удостоился кивком от занятого шкипера и молчаливым разглядыванием из компашки наблюдателей. Петр закончил утаптывать песок вокруг креста, отошел к наблюдателям. Наверное, это пассажиры с его яхты.

Просто так лезть к чужому спасительному кресту могло быть неприличным, такие нюансы традиции мне не рассказывали — пошел испрашивать разрешения у шкипера.

— Петр, дозвожь... — Шевеление в рядах наблюдателей Петр пресек громовым «цыц!» и посмотрел на меня выжидающе. — ...дозвожь к твоему кресту и свою часть приложить, мы все же одним штормом поучены.

Петр кивнул «Дозволяю» и двинулся вместе со мной по берегу.

Подойдя к кресту, я даже занервничал. Мои руки сами вытащили рулон ленты и обвязали крест под самой крестовиной с большим бантом спереди. Ленты вышло слишком много, длинные концы полоскались на ветру. Завязал еще один бант и отступил на шаг назад.

— Любо, — раздался голос Петра из-за спины.

Получилось действительно красиво и торжественно — белый крест с черно-оранжевой лентой и резной надписью на поперечине. Надпись вроде на латинице, но мне совершенно непонятная.

— Петр, а что написано на кресте? — спрашиваю, обернувшись, у шкипера.

— Значит, голландского ты не разумеешь? — задает он мне вопрос.

Киваю, пожимая плечами.

— Написано там: «Сей крест сделал шкипер Петр в лето Христово 1694».

* * *

Смотрю на крест. Свежая, только что струганная древесина, моя ленточка развеивается, все это происходит здесь и сейчас. И совершенно нереальная цифра года. Не шутят так со спасительными крестами. В ушах зазвенело, живот сжался в комочек. Поверил разом, что это не шутка и кругом не старообрядцы. Но до чего же это хреново!

На мое плечо опустилась рука шкипера.

— Сегодня будем праздновать морское избавление, пошлю за тобой служивого.

Вот что-что, а праздновать совершенно не готов, мне бы лечь в спальник и застегнуться с головой! И чтоб проснуться от тархтения трактора! Но просто так от приглашений отказываться нехорошо.

— Прости, шкипер, но есть еще один морской закон — можно начинать праздновать только после того, как полностью лодку в порядок приведешь. Твоя яхта цела, а моя побита. Позволь, сам тебя приглашу, как лодку отремонтирую.

— Хороший закон, такой следует чтить. Жду тебя, как почишься.

Широким шагом шкипер ушел к группке наблюдателей. Постояв еще, глядя на роковую цифру, вырезанную на кресте, я пошел в свой лагерь, подволакивая ноги. Штормило.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Берег Пертоминского монастыря

Застолье тянулось пятый час, и даже порывистый ветер не спасал от хмеля

— Что, други! Вознесем хвалу чарами понове! Афанасий, ты чего это чару пустую поднимаешь?!

Петр носился вокруг пиршества, разгоряченный, в распахнутом кафтане. Пить за ним просто не успевали. Те, кто успевал, ныне уже лежали в песке, и шкипер, весело хохоча, пинал их ногами.

— Летами за тобой, Петр Алексеевич, не поспеваю...

Петр не дал договорить, рассмеявшись вновь, одним движением вылил в себя чарку, чтоб немедленно указать ею на архиепископа.

— Зато думами вперед всех должен быть!

Смех шкипера оборвался не менее резко, чем начался. Петр подсел к Афанасию, столкнув с лавки замешкавшегося с освобождением места подвыпившего боярина.

— Вот и сказывай мне, гость наш, что на лодье странной пришел — это провидение господне али искушение?! — Не давая ответить архиепископу, Петр продолжил, будто говоря с самим собой: — Может, услышал господь мои молитвы?! Может, и он желает видеть Русь богоизбранную, кораблями славными богатую? Ты видел лодью этого гостя?! — Петр вскочил, размахивая чаркой и задевая ей чьи-то головы. — А я видел! Неведома та лодья, как элефант персидский! А гость в ней ведаешь!!! Понимаешь!

Петр схватил Афанасия за плечи и даже потрянул, выливая капельки вина, оставшегося на доньшке чарки, на спину архиепископу. Афанасий только плечами повел, выражая несогласие.

— Нехристь он! Язычник. Христом богом тебя прошу, Петр Алексеевич, не привечай.

Петр оттолкнул архиепископа, правда, без злобы, так, неудовольствие выражая.

— Глянь вокруг, Афанасий! — Петр широким шагом отошел немного вдоль лавки, поднял за ворот одного из «догнавшихся» и громко крикнул: — Вот тебе католик ревностный. — Шкипер бросил обмякшее тело, в несколько шагов оказался перед архиепископом и указал на другой конец стола: — А там, быть может, раскольник, прости господи, чарку пьет. — Петр замолчал и вдруг продолжил спокойным голосом: — Ты помнишь, как в Архангел-городе с голландскими шкиперами баял? Они усмехались, когда про флот российский с ними речь заводил! Скалились в свои бороденки! — Петр вновь перешел на крик, размахивая руками: — Они мыслят, что без них мы никто! — На замахе внимание шкипера привлекла пустая чарка, зажатая в его руке и уже припорошенная песком. — Алексашка! Вина! Коли Афанасий молчит, спросим у Бахуса...

Продолжение дневника

Второй час сижу и смотрю в костер. Время теперь относительно. Придя в лагерь, бросился проверять всю свою электронику. Пытался найти спутники в небе или услышать голос в эфире. Малюсенькая соломинка надежды, что все это грандиозная мистификация, заставляла искать хоть малейший шанс опровергнуть вынесенный мне приговор.

Электроника оказалась мертва вся, даже электронный термометр из аптечки. Проверить наличие радиопереговоров и убедиться, что меня разыгрывают, просто нечем. Хоть эта малюсенькая щелка в приговоре, с голосами в эфире, осталась непроверенной, но чем дальше, тем меньше мне верилось в такую проработанную мистификацию.

Если это правда, то что дальше делать?! Мне некуда возвращаться, меня тут никто не знает и не ждет. Припасы на Катране закончатся за две недели, денег местных у меня нет, как нет и специальности. Жить в нахлобученных избенках, которые видел в поселке, меня не прельщает совершенно.

Если в моей России все делалось по благу, то в этой России без блага вообще ничего не шевельнется. Мой родной город еще даже не построен! Несмотря на то что школьные знания истории оставили в моей памяти большие белые пятна — помню, как мы недавно отмечали трехсотлетие Питера, выходит, по времени этого мира до закладки Петропавловской крепости

еще девять лет. Кстати, можно попробовать набиться в окружение Петра Первого... Но кто же меня туда пустит? И как до Москвы добираться буду без денег, без подорожной, в сомнительной одежде?

Проще начать с малого, попросить шкипера похлопотать за меня. Пусть на первых порах мое хобби станет моей работой. Правда, водить доисторические лайбы меня никто не учил — но если уровень знаний тут повсеместно такой же низкий, как у шкипера, на этом фоне я буду смотреться откровенно хорошо. Надо только придумать, чем бы таким заинтересовать шкипера, а то он может не увидеть резона мне помогать.

Получается, вчерне план будет таким — заманить Петра на вечеринку и во время празднования счастливого спасения попробовать наметить дальнейшие перспективы сотрудничества. Как резервный план, идти в Архангельск и водить жалом в поисках работы на судне. Помнится, пока Питера не было, вся торговля шла через Архангельск.

А еще у меня куча шикарных карт Белого моря. Правда, не знаю, как за триста лет поменялась конфигурация берегов — но ведь в Унскую губу попал, как и ожидал, выходит, общие очертания совпадают.

После определения с дальнейшими планами слегка полегчало. До слез жалко родителей, для которых их младший сын пропал в море без вести. Но что я могу сделать? Мне отсюда до них не докричаться!

Если не знаю, как сюда попал, то какие можно строить планы на возвращение? Ходить по морю и ловить молнии? Как-то более реально получить мою жареную тушку вместо перемещения. По крайней мере, известные случаи попадания молний заканчивались именно так. Значит, не все с молниями однозначно.

Написать записку и закопать ее так, чтоб нашли к моменту моего исчезновения? Или написать записку самому себе? Ну, эти варианты уже более реальны, а главное, для их реализации у меня впереди вагон времени, тут можно не пороть горячку. Так что как ни крути, но главное на ближайшее время — устроиться на новом месте.

Под эти мысли перебирал снаряжение, подшивал порванные или порезанные стропы, пришил пуговицы на штормовку. В общем, обычный парковый день. Потом доел макароны, до-

пил чай и перемыл посуду. Время было начинать основной ремонт.

Изучил обрыв штага, вроде сам трос цел. Сгорела серьга крепления вертлюга к мачте. Ну и сам топ мачты представлял жалкое зрелище.

В течение получаса снимаю с топа арматуру бегучего такелажа. Часть приварило насмерть, пришлось спиливать маленькой ручной ножовкой; была бы материалом мачты сталь, а не алюминий — провозился бы до вечера. А так пара часов работы пилкой, ручным коловоротом, напильником — и топ мачты принял вполне рабочий вид.

Верхняя кромка частично была оплавлена, частично испарилась, пришлось ее спиливать и соответственно пересверливать часть крепежных отверстий ниже. Мачта укоротилась примерно на десять сантиметров, надо было еще срезать, но тогда придется и парус перешивать, а это уже нереально сделать быстро.

Потом сидел у костра, перебирал снятую с топа арматуру. Все поменять было бы, конечно, лучше, да где же столько запчастей взять. Ремкомплект катамарана не резиновый. Меняю самые прогоревшие, из уцелевших частей и оставшейся арматуры собираю дикую смесь, но работать она должна. По крайней мере, основные узлы будут работать точно, а без остального можно и обойтись.

Собираю топ мачты. Распустив натяжитель штага, цепляю его к топу и натягиваю. Теперь начинаю разбирать фалы. Распутываю и растягиваю тросы по всему пляжу. Тросы синтетические, поэтому проверить их целостность надо обязательно — наверху было жарко.

Как это ни печально, но целых тросов не было и починить их сложно. Срастить-то можно, но получившееся утолщение не пройдет через блочки. Заменял грота-фал из запасов, вместо спинакер-фала поставил причальный конец — для кошки подойдет и сращенный трос.

Провозился с мелочами до позднего вечера, зато лодку привел в божеский вид. Оставалось только ее поднять.

Вечер выдался спокойный, видимо, все гуляли на вечеринке шкипера. Мне хватило времени и по мысу пройти, и у костра посидеть, только погода все портила, в остальном вечер удался. Проверил свои запасы провизии на предмет организации праздника. Не густо, но для этого века должно получиться необычно. Завалился спать под шум наката.